

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IX (XXIII)
Международной научно-практической
конференции молодых учёных
(14–16 апреля 2022 г.)

Выпуск 23

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

4. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А.П. Евгеньева. Изд. 3-е, стереотип. М. : Русский язык. Т. 3. 1987. 752 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1–4. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Санкт-Петербург ; Москва : издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Т. 3. 576 с.
7. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. Т. 3. 591 с.
8. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : около 5 000 синонимических рядов : более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М. : Русские словари [и др.]. 665 с.
9. Словарь Академии Российской : в 6 т. В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук, 1793. Ч. 4: От М до Р. 1272 стлб.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А. Богатова. М. : Наука, 1990. Вып. 16 (Поднавѣсь–Поманути). 295 с
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. В.Б. Крысько. М. : Рус. яз., 2004. Т. 7. 505 с.
12. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. СПб. : Victory, 2004 (ГПП Печ. Двор). 428 с.

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-59

**«ПО ИХ САРА, А ПО-РУСКИ САМОЦВЕТ»:
ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ИМЕНОВАНИЯ
ИНОЗЕМНЫХ РЕАЛИЙ¹**

Казакевич О.А.

Томский государственный университет, аспирант

**«PO IH SARA, A PO-RUSKI SAMOTSVET»: TRANSLATION
AS MEANS OF NOMINATING
FOREIGN WORLD'S REALITIES**

Kazakevich O.A.

Tomsk State University, postgraduate student

В статье представлен анализ номинативных конструкций, содержащих перевод названий иноземных реалий, в посольских отчетах о поездках в Китай

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-312-90028 «Чужеземная реальность в восприятии русского средневекового человека»).

в XVII веке (И. Петлина, Ф.И. Байкова, Н.Г. Спафария). Указаны языковые средства данного способа номинации, отмечены его индивидуальные черты у разных авторов.

Ключевые слова: перевод, посольские отчеты, реалии, Китай, XVII в.

The article presents an analysis of nominative constructions, providing a translation of the names of foreign realities, in embassy reports on trips to China in the 17th century (by I. Petlin, F.I. Baykov, N.G. Spafariy). Linguistic means of this approach to nomination are identified as well as its individual authors' manner is noted.

Key words: translation, embassy reports, reality, China, 17th century

Научный руководитель: Г.Н. Старикова, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Проблема номинации реалий, принадлежащих экзотичной культуре Китая, средствами русского языка в статейных списках XVII в. является одним из подсказываемых материалом аспектов изучения этих документов: статейные списки представляют собой особый жанр русского средневекового делопроизводства, содержащий отчет о поездке официальных лиц в ту или иную страну – в соответствии с полученным наказом. Эти памятники содержат не только уникальные лингвистические, исторические, этнографические и культурологические данные, но и воссоздают представление русских людей о чужом мире. Данное исследование построено на трех одновременных посольских отчетах, отражающих этапы зарождения и развития русско-китайских отношений в XVII в.: *Роспись Китайскому государству* И. Петлина (1619), представленная в трех вариантах [1. С. 79–90, 92–95], *статейный список* Ф.И. Байкова (1657–1658), созданный в двух вариантах [2. С. 113–145], и *статейный список* Н.Г. Спафария (1675–1676), написанный в единственном варианте [1. С. 346–458].

При знакомстве с совершенно новой, экзотичной культурой и попытке передать в тексте ее своеобразие русские посланники сталкивались с рядом сложностей и проблем, самой серьезной из которых стал перевод. Принципиально отличная от русского, языковая система группы восточных языков вызвала особый интерес и, вместе с тем, требовала особого описания. Поскольку в задачи всех трех посольств входила характеристика новой страны и населявших ее людей, обойти вниманием одну из ведущих черт

любого этноса – его язык – не представлялось возможным. Каждый из посланников справлялся с этой задачей по-своему. Публикаторы отчетов отмечают, что непонимание чужого языка и чужой культуры порождало ошибки в передаче иноязычной лексики (*китайской подьячей бичечи* [1. С. 84] – вместо китайского *битеши* ‘писарь’ [2. С. 62]), создавало коммуникативные неудачи, когда, например, название титула или чина принималось за имя собственное (так, у И. Петлина упомянуты китайские воеводы *князь Тойван, да князь Туе, да князь Зунья* [1. С. 82], при этом *Тойван*, вероятно, является искажением от *даван* ‘князь’ [2. С. 60]).

Общей оценки языка в посольских отчетах нет, но в них встречаются обозначения названий разных языков – *китайский, мунгальский, богдойский, никанский, калмыцкий, татарский* и др.: *У мунгальских людей язык с калмыками один* [2. С. 120]; *перевел и списал те два старые китайские листы на богдойской* [1. С. 401]; *он знает китайской и мунгальской язык* [1. С. 402]. Общее представление о речи восточного соседа в исследуемых памятниках представлено попытками передать на письме звучащую речь китайцев: *А говорят так: «ок, ок!»* [1. С. 83], а также регулярным использованием глагола *кричать* по отношению к речи китайцев, что отражает впечатление от обилия гортанных звуков в китайском языке: *стал человек тотчас кричать зычно по-китайски* [1. С. 398]; *кричат по своему языку* [2. С. 126].

Анализ статейных списков показал, что исследуемый материал, актуализирующий использование иноязычной лексики при описании иноземных реалий, значительно шире, чем собственно перевод. Ведущей задачей для посланников становится поиск соответствующей иноязычной лексемы для именованья иноземного субъекта или объекта, а также – подходящей по значению русской лексемы, при этом конструкции называния практически всегда используют средства другого языка и представляют собой три типа.

Первый **тип** номинативных конструкций – **именной** (сочетание номенклатурного определения и онима), используется посланниками в основном для передачи антропонимов и

топонимов, варьирование которых в разных редакциях памятников свидетельствует о неосвоенности и непривычности китайской и мунгальской речи, ср.: *в нем княгиня Манчикатут да сын ее Ончунтайчи* [1. С. 79] и *в нем княгиня Малчикатунь да сын ее Анчултату* [1. С. 85]. Искажения и неустойчивость обозначений одного и того же объекта в рамках одного текста обусловлено восприятием имен собственных на слух, ср.: *Дцонму-дун* и *Дцунму-дун* [2. С. 118]. Данный тип использует именную модель называния для обозначения реалии и ее иноязычного имени ИМЯ / ЗОВЬ + (какое? / каким языком? / как?) чему / кому (Дат.п.) – как (Им.п.): 2 человека; одному имя яргучей, а другому имя чиндама [2. С. 132]; *имя той реке Кесь* [1. С. 79]; *тому месту зовь калмацким и мугальским языком Булуган* [2. С. 121].

Второй тип – **глагольный**, связан с обозначением объекта в сочетании с топонимами и антропонимами. Его отличие от первого заключается в наличии пояснений или собственно перевода иноязычных онимов с использованием глаголов ЗВАТЬ / НАЗЫВАТЬ / ИМЕНОВАТЬ / СЛЫТЬ. В пределах данного типа выделяются три модели:

1) что (Им.п.) + ЗВАТЬ + как / чем: [у]лус зов[у]т Илчигин [1. С. 79]; или ‘что / кто (Им.п.) + НАЗЫВАТЬ / ИМЕНОВАТЬ + местоимение (Вин.п.) + как / чем’: стоит большой идол <...> и называют его Фе или Фо [1. С. 365]; именуют Корга-река [1. С. 360];

2) что (Им.п.) + СЛЫТЬ + как / чем: город каменной <...> слово Белгород [1. С. 82]; та площадь слово площадь престола ханского [1. С. 397];

3) что (Им.п.) + ИМЕНУЕТСЯ / НАЗЫВАЕТСЯ + как / чем: «ван» именуется великий боярин [1. С. 358]; его хановы и племянники «ван» называютца [1. С. 358].

Третий тип конструкций – **наречный**, это собственно перевод, используется при обозначении любых объектов и явлений и реализуется в двух наречных моделях сопоставления иноязычных и русских лексем:

1) У НАС / ПО НАШЕМУ / ПО-РУССКИ что (Им.п.) – У НИХ / ПО ИХ что (Им.п.): по нашему «рубль», а по их «лян» [1. С. 83];

торгуют медью, по нашему пула, а по их часы [2. С. 139]; *у нас старцы, а у них то лоба* [1. С. 80]; и обратный вариант: *лабы по их вере, а по-русски попы* [2. С. 126]; *кутуфта у них – то по нашему патриарх* [1. С. 80];

2) что (Им./Пр.п) – ПО-НАШЕМУ / ПО-РУССКИ / ПО-КИТАЙСКИ / ПО-МУГАЛЬСКИ что (Им./Пр.п): *уваны, а по нашему бояре* [2. С. 137]; *чин ево по-китайски алихахава* [1. С. 374]; *кочюют <...> на арбах, а по-русски на телегах* [2. С. 124].

Вторая из наречных моделей может расширяться за счет установления наименований одного и того же объекта на разных языках: *Царствующий город Пежин <...> которой по-татарски и по-калмыцки и по-русски именуется Канбалык* [1. С. 358]. Данные конструкции по своей сути устанавливают между лексемами разных языков отношения тождества, что наиболее ярко выражено в статейном списке Н.Г. Спафария при помощи оборота СЕ ЕСТЬ: *лучи се есть воры ж* [1. С. 380]; *в лане весу 10 чинов се есть 10 золотников* [1. С. 413].

Часто при переводе номинаций иноземных реалий посланники стремятся сохранить в текстах мотив того или иного наименования в чужом языке, давая пояснения в виде максимально близкого значению иноязычной лексемы перевода: *Кабал-Гасун – калмацким языком, а по-русски полата кирпичная* [2. С. 116]; *Далан-Каргай – калмыцким языком, а по-русски – стоят семь сосен* [2. С. 116]; *доехали до реки Шарамуры, се есть Жолтой Амур, а называют Жолтою для того, что вода в ней мутна* [1. С. 362]; *город <...> именуют ево Чаган, которой се есть Белой город* [1. С. 365]. Из приведенных примеров явствует, что обозначенные типы конструкций и их модели часто дополняют друг друга, образуя более сложные номинативные единицы.

Ресурсы русского языка XVII в. в именовании новых реалий при помощи перевода проявились не только разнообразием конструкций, но и активным включением экзотизмов в тексты памятников. При столкновении с незнакомыми прежде объектами описания русские посланники часто пытаются обозначить их иноязычными словами: *лаба (лоба), богдыхан, ван, тайша, ергучей,*

мандарыня, асканяма, алихамба, алихахва, уван, жанги, чиндама и проч., часть из которых в дальнейшем получает некоторые пояснения, значение же других определяется из контекста: *китайские мандарыни шли в ворота с правые стороны* [1. С. 396]; *мунгальской тайша, которой у бугдыхана ван* [1. С. 358]; *дьяк, а имя ему мугальское ергучей* [2. С. 133]; *боярин первой <...> алихамба* [1. С. 374]; *китайского богдыхана боярин асканяма* [1. С. 357]. Некоторые из этих иноязычных именовании представлены в составе переводных конструкций единично, другие получили широкое распространение в границах памятника, например, в статейном списке Н.Г. Спафария насчитывается более 600 словоупотреблений экзотизмов.

Подобная ксенолексика широко вошла в статьи Словаря русского языка XI–XVII вв., пополнив собой лексический фонд русского языка этого периода. Так, из *Росписи* И. Петлина в нем представлены: *кутухта (кутуфта, кутукта)* ‘верховное духовное лицо у монголов’ [3. С. 149], *лаба (лоба)* ‘монах-священник у буддистов-ламаистов’ [3. С. 156]; из *статьевого списка* Н.Г. Спафария: *мандаринь* ‘мандарин, государственный чиновник’ [4. С. 26], *заргучей* ‘чиновник, исполняющий обязанности письмоводителя’ [5. С. 286], *ван* ‘наследственный титул (у монгольских народов)’ [6. С. 16], *колай* ‘должностное лицо в Монголии’ [7. С. 231], *богдыхань (богдокань, бугдыхан)* ‘китайский император’ [8. С. 259], хотя эта номинация встречается в более раннем *статьежном списке* Ф.И. Байкова с тем же значением: *ехати <...> х китайскому царю к богдыхану* [2. С. 113]. Материалы отчета Ф.И. Байкова также дополняют указанный источник единицей *капъ*: *5 капов муки пшеничной (а кап весом по пуду)* [2. С. 117], уточняя значение и форму данной лексемы: как *капа* ‘мера веса хлеба в 4 пуда’ она зафиксирована в источнике в единственном контексте 1704 г., форма *капъ* – только со значением ‘*нарост на дереве*’ [7. С. 61]. Переводные конструкции менее представлены в памятниках по сравнению с другими способами именования иноземных реалий, однако активное использование в текстах посольских отчетов ранее переведенных экзотизмов (в

среднем 1–1,4 лексемы на 1 лист рукописного текста) и обогащение лексического фонда русского языка указанного периода новыми единицами не позволяет отодвинуть данный способ номинации на периферию.

При использовании разными авторами средств чужих языков в номинации иноземных реалий прослеживается определенное своеобразие каждого статейного списка. Ф.И. Байков тяготеет к конструкциям сопоставления иноязычного слова с русскими, кроме того, трудности в передаче китайского языка в этом тексте связаны с отсутствием надежного языка-посредника: *спрашивали они: хто б умел по-латыне? И с послом таких людей не было* [2. С. 140], что объясняет неточности в передаче онимов и использование калмыцких и мунгальских наименований вместо собственно китайских. И. Петлин чаще старается при обозначении объекта передать какой-либо его существенный признак: так, например, столица Китая в тексте Ф.И. Байкова названа *Канбалык*, в отчете И. Петлина используется название *Большой Китай* [2. С. 61], и лишь у Н.Г. Спафария появляется собственно китайское *Пежин*, ср.: *велено итти в Канбалык* [1. С. 125], *до Большево Китаю <...> где сам царь Тайбун живет* [1. С. 83] и *готовился <...> ехать в царствующий город Пежин, где стольной китайской бугдыханов город* [1. С. 358]. Кроме того, И. Петлин, в силу небольшого объема текста, использует достаточно однообразные приемы в представлении преимущественно онимов, что отражается в частотности именных и глагольных конструкций со словом ЗВАТЬ.

В списке Н.Г. Спафария встречаем подробные описания как самого языка, так и активное включение иноязычной лексики в повествование. Этот источник характеризуется регулярными сопоставлениями названий одного и того же объекта в разных языках, а также особым вниманием к переводу: его посольство использовало латинский язык для максимально точной передачи значения тех или иных слов: *бил челом посланник колаю, чтоб он сказал те ж речи по-китайски езуиту, а езуит бы по-латыне для лутчего выразумления сказал посланнику* [1. С. 445]. Таким образом, от списка к списку наблюдается существенное развитие

данного способа номинации, что связано как со временем создания, так и с личностью самого посланника, его уровнем образования и владения другими языками и знаниями о мире в целом.

Список источников

1. Русско-китайские отношения в XVII в. : Материалы и документы / под ред. В.С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 612 с.
2. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М. : Наука, 1966. 160 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М. : Наука, 1981. 351 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М. : Наука, 1982. 357 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М. : Наука, 1978. 392 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М. : Наука, 1975. 319 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М. : Наука, 1980. 403 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М. : Наука, 1975. 371 с.

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-60

РЕАЛИЗАЦИЯ НОМИНАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИМЕНИ *ВЕЧЕР* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Соколова Т.С.

Томский государственный университет, соискатель

REALIZATION OF NOMINATIVE-DERIVATING POTENTIAL OF THE NAME *VECHER* IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Sokolova T.S.

Tomsk State University, applicant

*Статья посвящена выявлению потенциала лексемы **вечер** в словопроизводстве в двух типах русского национального языка – литературном и диалектном, определению сфер номинативного маркирования с помощью дериватов данного имени.*

Ключевые слова: лексическое гнездо, номинация, деривация, вечер

*The report aims to identify the potential of the lexeme **vecher** in word-formation literary and dialect types of the Russian national language as well as to explore the spheres of nominative marking with the help of derivatives of the name given.*

Keywords: word family, nomination, derivation, *vecher*

Научный руководитель: Г.Н. Старикова, канд. филол. наук, доцент ТГУ.